

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ

DOI: 10.17805/zpu.2022.3.9

Культура массового общества: от крестьянского фольклора — к городской песенности

А. В. КОСТИНА

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ,

Г. П. ХОРИНА

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Индустриальная цивилизация, основные координаты которой начинают отчетливо проявлять себя начиная с эпохи Просвещения, предстает прежде всего как цивилизация урбанистическая, зародившаяся и развившаяся в городских условиях. Город выступает как центр индустриальной культуры, в городе формируется та питательная среда, которая становится основой формирования нового типа традиционной художественной культуры — городского фольклора. Уже в XVI в. на Руси количество городов возросло более чем в два раза — с 96 до 230, в XVII в. появляются первые железоделательные и медеплавильные заводы, растет число мануфактур — к началу XVIII в. их насчитывается около 200. Как показали исследования, в частности, В. Е. Гусева, эпоха индустриализма приносит существенные преобразования и в сферу деревенской культуры (праматерь всех форм традиционализма). Развитие в деревне капиталистических отношений разрушает сельскую общину, раскалывая крестьянство на два класса — мелких производителей и буржуазию. В России начиная с XVIII в. крестьянская устная культура вследствие динамичного изменения технологии земледелия и скотоводства, быта, способов передачи информации и быстрого расширения письменной книжной культуры, роста индустриальной экономики утрачивает свое значение, сужается ареал ее распространения и степень влияния на человека, в том числе и в самой деревне. При этом крестьянский классический фольклор сменяется городской песенностью, основными жанрами которого становятся городская частушка и жестокий романс.

Ключевые слова: традиционная культура; фольклор; городская частушка; жестокий романс; коллективизация; модернизация; индустриализация; маргинализация

ВВЕДЕНИЕ

Процессы, связанные с переходом в России от традиционного общества к индустриальному, не могли не вызвать в известном смысле революционных, принципиальных изменений в традиционной культуре. Развитие промышленности и конвейерного производства в России XIX в. были созвучны тем процессам, которые задолго до этого характеризовали развитие Европы. Обобщая эти процессы, К. А. Сен-Симон, О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм ввели в научную практику поня-

тие «индустриальное общество», которое, однако, стало общеупотребительным только в 50–60-х гг. XX в. — одновременно с признанием научной общественностью теории индустриального общества, которая была сформулирована Р. Ароном в его лекциях в Сорбонне в 1956–1959 гг. и У. Ростоу в книге «Стадии экономического роста. Некоммунистический манифест» (Ростоу, 1981). Несмотря на то что в России в середине XX в. происходили сходные процессы, особенно существенно ускорившиеся в «период индустриализации» 1920-х гг., отечественные авторы не сразу приняли эту теорию, рассматривая ее в критическом ключе как полностью «буржуазную» (Марксистская и буржуазная социология ... , 1964; Капырин, 1967; Михеев, 1968).

Отрицая связь процессов, происходящих в Советской России и в западных странах в XX в., советские исследователи в определенной мере были правы, так как процессы, происходящие в сфере производства, имели прямую корреляцию и взаимную обусловленность теми семантическими и ценностными трансформациями, которые происходили в ходе становления индустриального общества в области сознания и культуры. Бурный рост промышленности и городов был во многом определен процессами демократизации, распространением «протестантской этики», рационализма, повышением значимости личности. В России же господствовала иная модель — так называемой догоняющей модернизации, где преобразования в сфере культуры шли следом за изменениями в промышленности и были направлены на ликвидацию неграмотности, утверждение нового быта, нового искусства и т. п. На начальном этапе развития советского общества культурная модернизация ограничивалась культурной революцией, которая и мыслилась как механизм преодоления трудностей построения социализма — механизм формирования новой культуры, образования, литературы и искусства, формирования интеллигенции нового типа, обогащения национальных культур. Все это, безусловно, имело прямое отношение к фольклору, народному творчеству.

Индустриальные преобразования осуществлялись параллельно с процессами развития сельского хозяйства — с процессами коллективизации, и именно это сочетание аграрного и промышленного секторов экономики с преобладанием первого создавало в СССР отличную от Запада экономическую и культурную конфигурацию. Вследствие того что развитие культуры в России и на Западе, которые вступили в стадию индустриализма, имело существенную специфику, сходные процессы воспринимались как принципиально различные. Поэтому советской наукой индустриальная теория рассматривалась преимущественно в критическом ключе, а сама индустриальная парадигма была принята примерно в 1980-е гг.

ГОРОДСКОЙ ФОЛЬКОР КАК ПОРОЖДЕНИЕ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ: СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ В РОССИИ

Однако если отнестись более внимательно к процессам развития России, то в них можно увидеть те же закономерности, которые были присущи и Европе. Становление индустриальной экономики означало активное формирование и развитие крупномасштабного производства, которое вызвало резкий рост городов, процессы массовизации и маргинализации. Развитие экономики требовало интенсивного притока рабочей силы и, соответственно, разрушения прежних социальных целостностей, прежде всего сословий. Сословные перегородки, в рамках которых существовали прежние малые социальные сообщества, начали разрушаться, а со-

циальная динамика и общественная циркуляция стали, как никогда ранее, интенсивными. В обществе возросла значимость различных социальных групп, которые начали возникать не в границах определенных сословий, а формироваться как самостоятельные. Субкультуры мещан, посадских низов, купечества, разночинной интеллигенции, студенчества, мастеровых людей, чиновников, стражей правопорядка заменяются субкультурами иных групп, становящихся составляющими городской традиционной культуры. Естественно, подобные изменения как в социальной, экономической и политической сфере, так и в стратификационном отношении приводят и к серьезным трансформациям культуры и всей системы ценностей (Костина, 2016: 45–54), где символические традиционные ценности общины, земли, рода заменяются ценностями материально-прагматическими и индивидуалистическими.

Интенсивное развитие в этот период городского фольклора было в первую очередь опосредовано формированием индустриальной экономики. Она начала стремительно развиваться после проведения комплекса реформ — экономических, политических (включая крестьянскую) и образовательных, которые привели в конце XIX в. к промышленному подъему в России, сопровождавшемуся активным заводским строительством и ростом фабричного производства, формированием единого рынка и единой системы железных дорог, интенсивным ростом капитала. Начиная с XVIII в. в России центром социальной и экономической жизни, а также культурных преобразований, становится город, отличающийся активной социальной динамикой. Его население находится в перманентном движении, город растет в соответствии с ростом экономических потребностей страны. Увеличивается поток трудовой миграции из деревни в город, трудовая миграция становится одним из ведущих факторов развития культуры, а маргинальность — одной из основных ее черт.

Технологии развиваются столь быстро, что человек не успевает осознать происходящие изменения: если в 1894 г. был показан первый кинофильм, то уже в 1920-х гг. связь между людьми начинают осуществлять системы радиовещания, а в 1930-х гг. — телевидения. Технологическая среда порождает новую социальную реальность, новые принципы взаимодействия между людьми, где неторопливость и медленность, «вязкость» традиции сменяется скоростью и обилием межличностных контактов, а значит, и поверхностностью, поспешностью и утилитарностью общения. В этих условиях особую ценность приобретает то, что соответствует не эволюции, опирающейся на постепенность приращения информации, а революции. Наиболее ценным в общественном сознании становится все принципиально новое, резко порывающее с предыдущими явлениями и феноменами, а сама история начинает выстраиваться в сознании людей как постоянный прогресс, накопление, восхождение от низшего к высшему, от малого к большому. Прежняя традиция становится в этих условиях неактуальной. Новизна сама по себе становится ценностью, что дает стимул для развития рекламы, ориентирующей людей на новейшее и самое современное, а также дизайна, позволяющего создавать эту новизну чисто технологическими средствами.

Если обобщить основные особенности индустриального общества в России вплоть до середины XX в., то можно назвать такую его основную характеристику, как инновативность, которая позволяет рассматривать этот тип общества как резко отличающийся от доиндустриального, аграрного. Это не могло не породить це-

люю совокупность предпосылок для усиления конфликтности, напряженности внутри сообщества, которыми стали: все более усиливающийся разрыв между специализированной и обыденной культурами, между культурой письменной и традиционно-устной, между культурой города и деревни; перемещение очагов и источников развития культуры, в том числе фольклора, из деревни в крупные города, стремительно растущие за счет плотных миграционных потоков; трудности адаптации новых маргинальных слоев к городским условиям и, как следствие, формирование особого слоя мещанского фольклора с его характерной стилевой и содержательной направленностью, как бы противостоящего деревенскому «классическому».

Городскому сообществу, как разнородному в культурном плане и потенциально конфликтному и социально нестабильному, был необходим механизм его укрепления, солидаризации, гомогенизации. Эту задачу воспроизведения основных смысловых матриц, налаживания ведущих социальных связей, накопления и передачи информации, осуществления общественной коммуникации, формирования определенной картины мира и ценностной системы, трансляции поведенческих стереотипов прежняя традиционная крестьянская культура осуществлять не могла. Формами, все более объединявшими общество посредством выработки единого поля ценностных смыслов и значений, стали сельский фольклор в адаптированных формах, художественная самодеятельность, а также те виды творчества, которые можно рассматривать как городской фольклор¹.

Формирование новых форм традиционной культуры и выдвижение лиц, способных к имитации их прежних классических форм, стало ответом города на все ускоряющийся темп урбанизации, на подмену культуры цивилизацией, на изменение положения человека в пространстве и времени. Феномен интенсивного распространения форм городского фольклора и псевдофольклорных форм связан не только с их броским художественным оформлением, но и с их способностью преодолевать целые комплексы проблем, главные из которых — оторванность большинства горожан от родной, корневой культуры, их невключенность в культурные матрицы города, а также изнурительность единообразного конвейерного труда в фабрично-заводских условиях, приводящая к хронической усталости человека и потому требующая быстрой рекреативно-восстановительной компенсации (Каргин, 1997: 75–76).

Эта психологическая напряженность в значительной степени была связана с затрудненностью выделения каждым из индивидов, каждой из групп или общностей собственного культурного пространства и вынужденностью каждого вступать в диалогические отношения с представителями самых разных культурных миров (Костина, 2011: 9–20). Распадение тех социальных и культурных связей, что были характерны для человека традиционного общества, приводило к кризису культурной идентичности, когда человек терял способность сопоставить свой образ мира с общепринятым в рамках традиционной культуры. Социальная дезориентация вынуждала человека образовывать новые сообщества, в первую очередь культурно-досуговые. В рамках этих социальных групп формировались собственные представления о мире, свои эстетические идеалы, специфические художественные формы. Их назначение, в отличие от предыдущего этапа цивилизации, перестало быть связанным со сферой обрядовой, трудовой, семейной, общинной деятельности. Основной функцией городского фольклора и формирующейся художествен-

ной самодеятельности стала рекреативная, связанная с досуговой сферой, воспроизводящая праздничную стихию (там же). Однако вопреки реальной ситуации художественную самодеятельность во всех ее формах, в том числе и фольклорных, увязывали с решением сугубо идеологических и идейно-воспитательных задач приобщения человека труда к художественным ценностям, формирования новой культуры и творчества как серьезного дополнения к профессиональному искусству (Соколовский, 1979; Сафонов, 1981; Смирнова, 1987). Этому, в частности, служили специальные методические пособия, репертуарные сборники, централизованно готовившиеся домами народного творчества, рассылаемыми их на места. В художественной самодеятельности стали регулярными конкурсы, смотры, фестивали.

ГОРОДСКОЙ ФОЛЬКЛОРА: СОЦИАЛЬНАЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ

Несмотря на то что в традиционной общине социальные отношения были жестко регламентированы, а индивидуальное поведение полностью определялось коллективными представлениями и выработанными в коллективе матрицами жизнедеятельности, тем не менее такой тип реализации творческой активности в значительной мере строился на аналоговой и внеоценочной форме. Чтобы адаптироваться к художественной ответственности, к системе новых критериев, правовых отношений, смысловых и ценностных приоритетов и усвоить диктуемые стереотипы и стандарты творчества, была необходима эффективная система, способная осуществлять социализацию, обмен смыслами и значениями между различными субкультурами и самими индивидами, выступать в качестве механизма сублимации и рекреации, удовлетворять потребности в художественной деятельности, компенсировать бедность эмоциональной жизни (Костина, 2014: 44–57). Эту функцию и выполнял городской фольклор, а также различные формы сценической деятельности, которые, по существу, являлись образцами массовой культуры.

Включение в эту достаточно унифицированную культуру не предполагало долгого приобщения к ней, вхождения в нее, как того требовала крестьянская традиция. Социальный и культурный состав города был разнопланов, а значит, в городе было представлено множество различных локальных традиций фольклора, причем нередко принадлежащих разным этническим группам. Это и обусловило развитие культуры в сторону ее унификации. В городе фольклор утрачивал свою региональную специфику. Он приобрел универсальность, которая позволяла представителю любой локальной традиции органично и безболезненно включиться в пространство городской культуры.

Художественная привлекательность, соответствие духовным запросам значительной части горожан, функционирование в границах досуговой сферы — все это стало основными причинами увлечения городским низовым искусством. Вместе с тем эти формы городского фольклора вызвали резкую критику в XIX и первой половине XX в. В среде творческой интеллигенции городской фольклор вызывал совершенно различные эмоции — от упоения стихией праздничного разгула на ярмарках, талантливо воплощенного Стравинским в его «Петрушке», А. Блоком в «Балаганчике», Б. Кустодиевым и М. Добужинским в картинах на сюжет масленичных гуляний, и до откровенного ее неприятия.

В частности, недоверие к тому типу культуры, который сложился под влиянием изменившейся индустриальной реальности как культуры низовой, профанной

и развлекательной, пришедшей на смену традиционной, сакральной, одухотворенной великой историей, было лейтмотивом высказываний русской интеллигенции. Откровенная неприязнь к распространению тесно взаимосвязанных массовой культуры и городского фольклора как культуры социальных «низов» — пошлой, примитивной и мещанской красной нитью проходит через работы А. И. Герцена, Н. А. Бердяева, Ф. М. Достоевского, Н. Я. Данилевского, А. С. Хомякова. Эта же проблема отражается в высказываниях П. И. Чайковского и Н. А. Римского-Корсакова, протестующих против современных музыкальных постановок развлекательного характера. Это же критическое отношение к городским формам культуры просматривается в деятельности композиторов Новой русской школы, больше известной, с легкой руки В. Стасова, как «Могучая кучка», стремящихся в своем творчестве опираться преимущественно на интонации и жанры традиционного фольклора (такие как плач-причитание, лирическая протяжная песня, величальная песня, а также на такой вид древнерусской профессиональной музыки, как «знаменный распев»). К середине XIX в. внимание к традициям русской культуры, а также обострившееся значение крестьянского вопроса вызвало волну «защиты» крестьянской песенности и стремление ее зафиксировать.

Именно в это время появляются сборники, ставшие позже классическими. Самые известные из них — «40 русских народных песен» М. А. Балакирева, «100 русских народных песен» Н. А. Римского-Корсакова и др. Значение русского фольклора подчеркивает в предисловии к своему сборнику Н. А. Римский-Корсаков: «В настоящее время, когда многие песни исчезают из памяти народа, в особенности становится интересным записывать напевы от лиц, слышавших их в давние годы...» (Римский-Корсаков, 1977: 4). Эта же интонация слышится в сожалениях Н. А. Некрасова о том, что мужик несет с базара не Белинского и Гоголя, а «Блюхера и милорда глупого», развращающих вкус и отравляющих народ духовно. Аналогичным ощущением проникнута и статья «Нечто о литературной промышленности нашего века» в «Отечественных записках», редактируемых Некрасовым, где неизвестный автор продемонстрировал свое резко отрицательное отношение к антихудожественной развлекательности искусства, говоря о том, что и в Европе, и в России существуют две культуры, имеющие очень мало общего между собой: культура, борющаяся с невежеством, и культура, эксплуатирующая его. Последняя пустилась в торговлю, создавая своего рода промышленный ажиотаж, и «подчинившись всем законам конкуренции, законам предложения и спроса, она начала ухаживать уже не за щедрыми меценатами, а за толпой покупателей» (Некрасов, 1873: 139).

Различные формы городского фольклора учеными, литераторами, музыкантами, общественными деятелями и публицистами воспринимались как разрушающие подлинную народную традицию и оценивались крайне негативно. Статусом истинности наделялись лишь те тексты, которые возникли и сформировались в условиях доиндустриальных отношений в крестьянской общинной среде. Художественный же статус большинства жанров позднего происхождения (частушка, романс, городская песня) до 1980-х гг. оставался дискуссионным, и лишь в это время стало общепризнанным мнение относительно богатства поэтического содержания частушки и городского жестокого романса.

Но общность протекания процессов перехода от доиндустриального к индустриальному обществу не ограничивалась лишь тем набором явлений, о которых

речь шла выше. Богатейшее культурное наследие деревни было привлечено в город и адаптировано в нем (начало этому было положено в момент появления первого городского посада). В городе порой в ущерб художественному и духовному смыслу воспроизводились основы крестьянской культуры, ставшей в известном смысле донором духовных традиций города, рождавшего более универсальные, профанные, светские матрицы творчества. Но на определенном историческом этапе деревня уже не могла выполнять эту великую миссию, и город по объективным законам диалектики как организм более совершенный в экономическом и социальном плане породил обратный процесс. Город стал средоточием не только науки и образования, как это было изначально, а также профессионального творчества, но и народной культуры, которая стала восприниматься как полярная, а позже дала почву для развития поп-музыки. Естественно, что именно городская культура как основа индустриальной экономики стала лидером и общественного развития. *Ворвавшись в деревенское пространство, городской фольклор с помощью вчерашних деревенских жителей, которые, по существу, и стали разрушителями своей крестьянской культуры, выстроил ту систему ценностей, приоритетов, эстетических предпочтений и этических норм, которая была в большей степени характерна для городской культуры.*

Действительно, те песни, что обращаются к изображению подлинного чувства, не определяемого модой, обладали совершенно новым поэтическим строем и новой лексикой, в них глубина видения мира сменялась душещипательной картиной. В этих новых произведениях отчетливо просматривалось лицо их автора — крестьянина-отходника, который оторвался от крестьянской традиции и стремился к ее осовремениванию на манер городского вкуса (Каргин, 1997: 11). Естественно, он сохранил сильные связи с почвенной культурой, но он же начал стремительно приобретать черты типичного массивизированного индивида с невыраженным личностным началом. Именно так происходило снижение значимости и классической крестьянской, и городской народной культуры, уступающих свои позиции массовой культуре, поп-культуре, как более привлекательной и при этом выполняющей ряд весьма важных функций, в том числе и тех, что ранее были прерогативой традиционной культуры.

Конечно, подобное острое, критическое восприятие социальных преобразований, сопровождавшихся не только разрушением крестьянской традиционной культуры, но и рождением малопривлекательных форм городской культуры, было обусловлено процессами индустриализации, а потому было объективным и необратимым. Реакция — по большей части негативная — на формирование новых форм культуры была обусловлена появлением не столько форм городского фольклорного творчества, сколько форм массовой культуры, которая и была принята за фольклор (с чем мы сталкиваемся и сегодня). Успешно адаптировав образцы как высокого искусства, так крестьянского и городского фольклора, она постепенно стала основной формой культуры индустриального общества — иными словами, массовой культурой. Эта культура, несмотря на стремление сохранить в себе некоторые черты традиционного крестьянского устно-поэтического творчества, не могла вместить в свое упрощенное содержание все те смыслы, которые несла традиция, а при копировании сюжетов утрачивалось сакральное содержание.

Формирование массовой культуры отразило, в частности, и кризисные процессы в существующей традиционной культуре, и дисбаланс в складывающемся века-

ми соотношении народной и профессиональной (светской и религиозной) культуры, и появление нового потребителя и творца культуры. Традиционный крестьянский фольклор утратил окончательно свое влияние в городской фольклорной среде. Классическая элитарная культура под натиском модернистских художественных исканий усложнила свой код, отстранившись в известном смысле от реальности. В этой ситуации массовая культура заполнила собой все культурное пространство, получая особую значимость, прежде всего в жизни молодых горожан (Костина, 2006: 274–298).

Вместе с тем в лучших формах городской культуры сохранялось то, что составляло суть традиционной песенности — трудолюбие, любовь, почитание идеалов красоты, высокой духовности. Кроме того, многие из жанров городского фольклора были генетически связаны с традиционной крестьянской культурой — по мнению некоторых исследователей, частушечный жанр уже в конце XVIII в. был распространенным явлением русского фольклора, имевшим на тот момент большую историческую судьбу (Банин, Бурмистров, 1999: 189). Порождающей стихией городского романса также явилась сельская земледельческая община, хотя и находящаяся в стадии своего распада и отражающая кризис традиционной ментальности. Как кризисное явление рассматривались тексты жестоких романсов, где символизм «классического» фольклора заменялся словами явно городского происхождения, создающими внешнюю «красоту» текста, но не отличающимися глубиной и многозначностью. Однако в последние десятилетия стало очевидно, что и жестокий романс обладает собственной поэтикой, существенно отличной от поэтики крестьянской песенности, — он наполнен идеальными образами², не способными противостоять противоречиям внешнего мира, что приводит к гибели основных героев.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщая сказанное, отметим, что в индустриальном обществе содержание и структура городской культуры и фольклора определяются характером новой цивилизации, основанной на научно-техническом прогрессе. Индустриальные отношения принципиально противостоят тем, которые доминировали в рамках доиндустриальных общественных систем, породивших такое явление, как классический фольклор. Отношения в индустриальном обществе характеризуются целым комплексом специфических черт: экономических (доминирование индустриальной экономики, характеризуемой крупным машинным производством, фабричной организацией труда, свободной торговлей и общим рынком), социальных (процессы демократизации, массовизации, маргинализации), а также социально-политических (разрушение прежних социальных целостностей в виде сословий и формирование мобильной классовой системы). Существенные преобразования происходят и в сфере культуры, где одной из наиболее активных форм становится массовая культура, подчиняющая своему влиянию и традиционную, и элитарную культуру. Крестьянский же фольклор утрачивает свою монополию, разделяя фольклорное пространство с городскими формами неспециализированного творчества, хотя сохраняется и бережно передается. Несмотря на то что классический фольклор, как казалось в границах индустриального общества, утратил свою актуальность и сохранился лишь там, где сохранились (хотя и в модернизированном виде) традиционные формы деятельности и крестьянского труда, именно эта форма культуры в рамках постиндустриальной реальности приобретет статус наиболее ценной

в историческом смысле. Городской же фольклор будет интенсивно развиваться, порождая все новые и новые формы, связанные с изменившейся (в том числе технологически) реальностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подобные образцы были известны уже в XVIII в. (это сборники «народных» песен и сказок М. Чулкова, В. Левшина, М. Попова, многочисленные «крестьянские» оперы) (Поздеев, 1999: 202).

² Таков, к примеру, текст, записанный А. В. Костиной в 2009 г. в деревне Станки Вязниковского района Владимирской области от П. Е. Головкиной: Жил на свете красивый парнишка, // Этот парень был просто краса, // Кудри черные, черные брови, // Голубые большие глаза. // словно не было в свете красивей // Голубых этих ласковых глаз. // Это просто краса, а не парень, // Говорили девчата у нас (АЦРФЭ-А-33-13. Зап. от Головкиной П. Е., д. Станки).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Архив Государственного республиканского центра русского фольклора (2009). Э-А-33-13. Зап. от Головкиной П. Е., д. Станки.

Банин, А. А., Бурмистров, Н. С. (1999) Путевая песня бурлаков: к проблеме определения и происхождения частушки // Сохранение и возрождение фольклорных традиций : сб. науч. тр. Вып. 9: Фольклор и художественная культура: История и современность / ред.-сост. Н. А. Хренов, отв. ред. А. С. Каргин. М. : Гос. респ. Центр рус. фольклора. 224 с. С. 186–190.

Гусев, В. Е. (1967) Эстетика фольклора. Л. : Наука. Ленингр. отд.-ние. 319 с.

Иноземцев, В. Л. (1998) За десять лет: к концепции постэкономического общества. М. : Academia. 528 с.

Капырин, В. С. (1967) Процесс общественного развития и «теория стадий» Уолта Ростоу. М. : Мысль. 143 с.

Каргин, А. С. (1997) Народная художественная культура : курс лекций : учеб. пособие для студентов высш. и сред. учеб. заведений культуры и искусств. М. 286 с.

Каргин, А. С. (1999) Фольклор и художественная культура XX века // Сохранение и возрождение фольклорных традиций : сб. науч. тр. Вып. 9: Фольклор и художественная культура: История и современность / ред.-сост. Н. А. Хренов, отв. ред. А. С. Каргин. М. : Гос. респ. Центр рус. фольклора. 224 с. С. 37–45.

Костина, А. В. (2006) Массовая культура как феномен постиндустриального общества. 3-е изд., стереотип. М. : КомКнига. 352 с.

Костина, А. В. (2011) Диалог в современном мире: условия и возможности осуществления // Знание. Понимание. Умение. №3. С. 9–20.

Костина, А. В. (2011) Национально-культурная идентичность в ситуации диалога культур [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». №6 (ноябрь — декабрь). URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2011/6/Kostina_National-and-Cultural-Identity/ (дата обращения: 18.05.2022).

Костина, А. В. (2014) Массовая культура: особенности реализации социального потенциала в формирующемся информационном обществе // Высшее образование для XXI века: XI Международная научная конференция. Москва, 27–28 ноября 2014 г. : Доклады и материалы. Круглый стол «Конструктивный социальный потенциал массовой культуры: Специфика проявления в информационном обществе» / отв. ред. А. В. Костина. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 99 с. С. 44–57.

Костина, А. В. (2016) Общество потребления и ценности российской цивилизации // Знание. Понимание. Умение. №4. С. 45–54.

Марксистская и буржуазная социология сегодня (1964) / ред. коллегия: Ф. В. Константинов и др. М. : Наука. 480 с.

Михеев, В. И. (1968) Капитализм или «индустриальное общество»? Проблемы современного капитализма и буржуазная социология. М. : Междунар. отношения. 207 с.

Некрасов, Н. (1873) Нечто о литературной промышленности нашего века // Отечественные записки. №6. Июнь. С. 139.

Поздеев, В. А. (1999) Элементы житейной идеологии в фольклоре 20–40-х годов XX века // Сохранение и возрождение фольклорных традиций : сб. науч. тр. Вып. 9: Фольклор и художественная культура: История и современность / ред.-сост. Н. А. Хренов, отв. ред. А. С. Каргин. М. : Гос. респ. Центр рус. фольклора. 224 с. С. 202.

Римский-Корсаков, Н. А. (1977) Предисловие // Римский-Корсаков Н. А. Сто русских народных песен : Для голоса с ф.-п.: Соч. 24 / предисл. и примеч. авт. М. : Музыка. 224 с. С. 3–7.

Ростоу, В. В. (1981) Стадии экономического роста. Нью-Йорк : Изд-во Фредерик А. Преге. 149 с.

Сафонов, Л. Г. (1981) Художественная самодеятельность как средство коммунистического воспитания. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та. 137 с.

Смирнова, Е. И. (1987) Теория и методика организации самодеятельного творчества трудящихся в культурно-просветительных учреждениях : учеб. пособие для вузов / пер. Е. И. Смирнова. Ташкент : Укитувчи. 188 с.

Соколовский, Ю. Е. (1979) Коллектив художественной самодеятельности. М. : Сов. Россия. 127 с.

Сохранение и возрождение фольклорных традиций : сб. науч. тр. (1993) Вып. 2. В 2 ч. Ч. 1 / [сост. А. Н. Иванов]. М. : Гос. респ. центр рус. фольклора.

Дата поступления: 20.05.2022 г.

*THE CULTURE OF MASS SOCIETY:
FROM PEASANT FOLKLORE TO URBAN SONG
A. V. KOSTINA
MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES,
G. P. KHORINA
MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES*

Industrial civilisation, whose basic coordinates begin to clearly manifest themselves from the Age of Enlightenment, appears primarily as an urban civilisation, which originated and developed in an urban environment. The city acts as a centre of industrial culture; it is the place where the breeding ground is created which becomes the basis of formation of a new kind of traditional art culture — urban folklore. It was already in the 16th century that the number of cities more than doubled — from 96 to 230; in the 17th century, the first ironworks and smelters appeared; the number of manufactories was on the increase — there were around 200 of them in the early 18th century. According to research, in particular, to V. Y. Gusev's work, the industrial era brings about substantial reforms in the area of rural culture (the foremother of all forms of traditionalism) as well. Capitalist relations developing in the village destroy the rural community, separating peasants into two strata — small-scale producers and the bourgeoisie. From the early 18th century, Russian peasant oral culture loses its meaning due to the dynamic change of agricultural and cattle farming technology, everyday life, means of conveying information and the rapid extension of the written book culture, and increasing industrial economy; the area of its distribution narrows, as well as the extent of its influence on people, including the village itself. At the same time, classical peasant folklore is replaced with urban song, whose main genres are urban couplets and cruel romance.

Keywords: traditional culture; folklore; urban couplets; cruel romance; collectivisation; modernisation; industrialisation; marginalisation

REFERENCES

- Arkhiv Gosudarstvennogo respublikanskogo tsentra russkogo fol'klora* (2009). E-A-33-13. Zap. Ot Golovkinoi P. E., d. Stanki.
- Banin, A. A., Burmistrov, N. S. (1999) Putevaia pesnia burlakov: k probleme opredeleniia i proiskhozhdeniia chastushki. *Sokhranenie i vrozhdienie fol'klornykh traditsii : collection of scientific papers*. Iss. 9: Fol'klor i khudozhestvennaia kul'tura: Istoriia i sovremennost' / ed.-comp. by N. A. Khrenov, ed. by A. S. Kargin. Moscow, State Republican Center of Russian Folklore. 224 p. Pp. 186–190. (In Russ.).
- Gusev, V. E. (1967) *Estetika fol'klora*. Leningrad, Nauka. 319 p. (In Russ.).
- Inozemtsev, V. L. (1998) *Za desiat' let: k kontseptsii postekonomicheskogo obschestva*. Moscow, Academia. 528 p. (In Russ.).
- Kapyrin, V. S. (1967) *Protsess obschestvennogo razvitiia i «teoriia stadii» Uolta Rostou*. Moscow, Mysl'. 143 p. (In Russ.).
- Kargin, A. S. (1997) *Narodnaia khudozhestvennaia kul'tura : kurs leksii : textbook for students of higher and secondary educational institutions of culture and arts*. Moscow. 286 p. (In Russ.).
- Kargin, A. S. (1999) Fol'klor i khudozhestvennaia kul'tura XX veka. In: *Sokhranenie i vrozhdienie fol'klornykh traditsii : collection of scientific papers*. Iss. 9: Fol'klor i khudozhestvennaia kul'tura: Istoriia i sovremennost' / ed.-comp. by N. A. Khrenov, ed. by A. S. Kargin. Moscow, State Republican Center of Russian Folklore. 224 p. Pp. 37–45. (In Russ.).
- Kostina, A. V. (2006) *Massovaia kul'tura kak fenomen postindustrial'ogo obschestva*. 3d ed. Moscow, KomKniga. 352 p. (In Russ.).
- Kostina, A. V. (2011) Dialog v sovremennom mire: uslovia i vozmozhnosti osushchestvleniia. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 3, pp. 9–20. (In Russ.).
- Kostina, A. V. (2011) Natsional'no-kul'turnaia identichnost' v situatsii dialoga kul'tur. *Informatsionnyi gumanitarnyi portal «Znanie. Ponimanie. Umenie»*, no. 6 (November — December) [online] Available at: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2011/6/Kostina_National-and-Cultural-Identity/ (accessed: 18.05.2022). (In Russ.).
- Kostina, A. V. (2014) Massovaia kul'tura: osobennosti realizatsii sotsial'nogo potentsiala v formiruushchemsia informatsionnom obschestve. In: *Vysshee obrazovanie dlia XXI veka: XI Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia*. Moscow, 27–28 November, 2014: Doklady i materialy. Kruglyi stol «Konstruktivnyi sotsial'nyi potentsial massovoi kul'tury: Spetsifika proiavlennii v informatsionnom obschestve» / ed. by A. V. Kostina. Moscow, Moscow Univ. for the Humanities. 99 p. Pp. 44–57. (In Russ.).
- Kostina, A. V. (2016) Obschestvo potrebleniia i tseнности rossiiskoi tsivilizatsii. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 4, pp. 45–54. (In Russ.).
- Marksistskaia i burzhuaznaia sotsiologiia segodnia* (1964) / ed. by: F. V. Konstantinov et al. Moscow, Nauka. 480 p. (In Russ.).
- Mikheev, V. I. (1968) *Kapitalizm ili «industrial'noe obschestvo»? Problemy sovremennogo kapitalizma i burzhuaznaia sotsiologiia*. Moscow, International relations. 207 p. (In Russ.).
- Nekrasov, N. (1873) Nechto o literaturnoi promyshlennosti nashego veka. *Otechestvennye zapiski*, no. 6, June, p. 139. (In Russ.).
- Pozdeev, V. A. (1999) Elementy zhitiinoi ideologii v fol'klоре 20-40-kh godov XX veka. In: *Sokhranenie i vrozhdienie fol'klornykh traditsii : collection of scientific papers*. Iss. 9: Fol'klor i khudozhestvennaia kul'tura: Istoriia i sovremennost' / ed.-comp. by N. A. Khrenov, ed. by A. S. Kargin. Moscow, State Republican Center of Russian Folklore. 224 p. Pp. 202. (In Russ.).
- Rimskii-Korsakov, N. A. (1977) Predislovie. In: Rimskii-Korsakov N. A. *Sto russkikh narodnykh pesen : Dlia golosa s f.-p.*: Soch. 24 / preface and notes by the author. Moscow, Muzyka. 224 p. Pp. 3–7. (In Russ.).
- Rostou, V. V. (1981) *Stadii ekonomicheskogo rosta*. New York, Frederik A. Prege. 149 p. (In Russ.).

Safonov, L. G. (1981) *Kbudozbestvennaia samodeiatel'nost' kak sredstvo kommunisticheskogo vospitaniia*. Voronezh, Voronezh Institute. 137 p. (In Russ.).

Smirnova, E. I. (1987) *Teoriia i metodika organizatsii samodeiatel'nogo tvorchestva trudiasbchikhsia v kul'turno-prosvetitel'nykh uchrezhdeniiakh : study guide for universities / transl. by E. I. Smirnova*. Tashkent, Ukituvchi. 188 p. (In Russ.).

Sokolovskii, Iu. E. (1979) *Kollektiv kbudozbestvennoi samodeiatel'nosti*. Moscow, Sovetskaya Rossiia. 127 p. (In Russ.).

Sokbranenie i vozrozhdenie fol'klornykh traditsii : collection of scientific papers (1993) Iss. 2. In 2 parts. Part 1 / comp. by A. N. Ivanov. Moscow, State Republican Center of Russian Folklore. (In Russ.).

Submission date: 20.05.2022.

Костина Анна Владимировна — доктор философских наук, доктор культурологии, профессор, проректор по научной, воспитательной и международной деятельности Московского гуманитарного университета, академик Международной академии наук (г. Инсбрук, Австрия). Адрес: 111395, Российская Федерация, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (499) 374-75-95. Эл. адрес: Anna_Kostina@inbox.ru

Хорина Галина Петровна — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и регионоведения Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Российская Федерация, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (499) 374-70-88. Эл. адрес: region@mosgu.ru

Kostina Anna Vladimirovna, Doctor of Philosophy, Doctor of Cultural Studies, Professor, Vice-Rector for Research, Education and International Affairs, Moscow University for the Humanities, Member, International Academy of Sciences (Innsbruck, Austria). Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-75-95. E-mail: Anna_Kostina@inbox.ru

Khorina Galina Petrovna, Doctor of Philosophy, Professor, Professor, Department of History and Regional Studies, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-70-88. E-mail: region@mosgu.ru

DOI: 10.17805/zpu.2022.3.10

Культурный концепт «Герой» как ценностный ракурс эпохи

Т. А. ГОРЕЛОВА

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ,

О. О. ХЛОПОНИНА

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В работе рассматривается ценностный аспект героического в культурно-концептуальном ракурсе. Гипотезой исследования является представление о том, что динамика героического в целом соответствует общенаучному принципу глобального эволюционизма, включающему также и эволюцию духовной культуры, которая имеет семь этапов: мистика, искусство, мифология, философия, мировые религии, наука, идеология. Появляющийся в мифе «Герой» не только становится обязательным персонажем, посредни-